

Ясмира Бабочка

Лунная роза

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ясмира Бабочка

Лунная роза

«Автор»

2026

Бабочка Я.

Лунная роза / Я. Бабочка — «Автор», 2026

Возможно меня не зря назвали Амелией, как будто кто-то мог догадаться что мы с этим цветком будем настолько похожи. Амелия это такой сорт розы, кремово белый цветок, хотя розы всегда ассоциировались с красным цветом. Как и кровь. На которую у меня аллергия. Не смешная шутка от матушки природы, вампир с аллергией на кровь.

© Бабочка Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ясмира Бабочка

Лунная роза

Глава 1

Меня зовут Амелия. Мне двести семнадцать лет, и я единственный вампир в истории, которого выгнали из клана за то, что он не может пить кровь.

Нет, я не из тех, кто «просто не любит вкус». Я бы с радостью. Я бы отдала всё своё бессмертие за один нормальный глоток, после которого не придётся сутки отлёживаться с распухшим горлом и дрожью во всём теле. Но моё тело решило иначе. Моя мать, древняя вампирша с идеальной родословной, плакала, когда впервые дала мне попробовать свежую кровь оленя. Мне было пять лет, и я провела неделю в постели с температурой, которой у вампиров вообще не бывает. Врачи клана разводили руками. Это не болезнь, это — аллергия. На кровь. На нашу единственную пищу.

В детстве меня поили разбавленной сывороткой, пробовали миксы с молоком, с вином, с травами. Ничего не помогало. Горло сжималось, язык немел, лицо покрывалось красными пятнами, а внутри начиналась такая слабость, что я не могла поднять руку. Я не чихала, нет. Это было глубже и страшнее. Как будто каждая клетка моего тела кричала: «Нет!» И они кричали в ответ: «Позор».

К восемнадцати годам стало ясно — полноценным вампиром я не стану никогда. Я могла жить без крови дольше других, питаюсь чем угодно, кроме неё. Я могла есть человеческую еду. Хлеб, мясо, овощи, сладости. Это не давало той силы, что даёт кровь, но меня это устраивало. Клан же был в ярости.

— Ты — ошибка природы, — сказал мне глава Совета в день, когда меня отправляли в человеческий город. — Ты не можешь охотиться, не можешь пировать, не можешь даже стоять рядом с добычей без того, чтобы не покрыться пятнами. Живи с ними. Ты не вампир, Амелия. Ты просто долгоживущий человек с дурной наследственностью.

Мне дали квартиру в старом районе, небольшую сумму денег и одно условие: никогда не возвращаться. Я даже не обижалась. Честно говоря, я выдохнула с облегчением.

Город оказался шумным, тёплым и совершенно невыносимо пахнущим. Вампиры слышат кровь за километр, и я — слышу. Но для меня этот запах не манит. Он бьёт в нос, как удар. От него у меня начинает кружиться голова, в горле появляется противный металлический привкус, а кожа покрывается мурашками, которые переходят в зуд. Если я оказываюсь слишком близко к кому-то с открытой раной — меня выворачивает наизнанку. Не от голода. От отвращения тела.

В первый месяц я почти не выходила из дома. Я носила повязку с мятным маслом под носом, чтобы заглушить городские ароматы. Я спала днём, потому что ночью улицы были слишком живыми и слишком кровавыми. Но постепенно я поняла: чтобы выжить, мне нужно найти ту единственную вещь, которая не вызывает во мне тошноты.

Я нашла её случайно. У моего дома была маленькая пекарня. Хозяин — старик с добрыми глазами — каждое утро выставлял на прилавок свежий хлеб. И когда я впервые прошла мимо, я остановилась. Запах теста, дрожжей, карамелизованного сахара — он перебивал всё. Впервые за многие годы я вдохнула полной грудью без страха. Это пахло жизнью. Но не той, что течёт по венам. Той, что можно разделить на завтрак. Той, что не убивает.

Я попросилась к нему в ученицы. Он удивился — бледная девушка с белыми волосами и красными глазами, которая просится месить тесто. Но он согласился. Наверное, ему было одиноко. Или он просто был добр.

Сейчас я живу в комнатке над пекарней. Каждую ночь я замешиваю муку, масло, воду и соль. Я ставлю опару, жду, пока поднимется тесто, и формирую багеты и булки. Я научилась печь круассаны с хрустящей корочкой и мягкой сердцевинкой. Я знаю, при какой температуре какой хлеб поднимается лучше, и как долго нужно вымешивать ржаное тесто, чтобы оно не было резиновым.

Люди приходят ко мне утром. Они не знают, кто я на самом деле. Они видят просто высокую светловолосую девушку с необычными глазами, которая всегда улыбается, подавая свежий хлеб. Они пахнут кровью — она сочится из их дёсен, из мелких царапин на пальцах, из скрытых под кожей капилляров. Каждый раз, когда кто-то наклоняется к прилавку, я задерживаю дыхание. Я чувствую, как кожа на шее начинает чесаться, как во рту появляется сухость — не от голода, от защиты. Это тело напоминает мне: «Ты не такая, как они. И не такая, как мы».

Но я улыбаюсь. Я кладу в бумажный пакет буханку и говорю «спасибо». Потом поворачиваюсь к печи и на секунду прикрываю глаза. Там, внутри жаркого железного нутра, нет крови. Там только мука и пар. И это единственное место в мире, где я могу дышать свободно.

Вампиры говорят, что мы живём для крови. Что без неё мы пусты. Но когда я откусываю кусок свежего хлеба с хрустящей коркой, слышу, как он ломается на зубах, и чувствую тепло, разливающееся по животу — я понимаю, что они ошибаются.

Я не пустая. Я просто наполнена по-другому.

И если быть вампиром — значит пить чужую жизнь, то я лучше останусь человеком, который печёт хлеб. Даже если он живёт дольше, чем положено.

Даже если его глаза красные.

Даже если его тело ненавидит то, ради чего он был рождён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.